

вариант Киреевского: девушка «сама слышит, сама догадалась», что дружок ее «любит иную», но она легко мирится с изменой. «Люби, душа моя, люби, кого хочешь, — говорит она ему, — я сама гуляю, а с кем — не скажу»⁷⁷. Этот текст записан в Орловской губернии, и весьма вероятно, что песня, которую пел рядчик, являлась разновидностью этого варианта. Собираателями данная песня обычно обозначается как «плясовая», «вечерочная», «уличная», иногда как «солдатская»; шаговый «с приплясом» характер ее напева вполне подтверждает такие обозначения. С. Д. Магид относит эту песню к типу «городских мелодий»; она же отмечает поразительную устойчивость напева⁷⁸.

Сложнее вопрос с песней Якова. В первоначальном тексте «Певцов» и в первой (журнальной) публикации Яков пел не «Дороженьку», а другую песню:

При долинушке стояла,
Калинушку ломала.

«Дороженька» появилась лишь в первом отдельном издании «Записок охотника». Об этой замене сохранился любопытный рассказ известного в свое время знатока народной песни, чиновника-литератора В. А. Инсарского:

«Кто не знает, что из всех тургеневских «Рассказов охотника», едва ли не один из самых лучших рассказ: «Певцы»; кто не находился под обаянием его прелести? Я читал его много раз и восхищению моему не было помешать мне, как специалисту по части русского пения, заметить в самом содержании его существенную ошибку. Певец-победитель в известном состязании, по рассказу Тургенева, пел песню: «При долинушке стояла» и пел будто так, что все слушатели млели от восторга, а хозяйка кабака, где происходило состязание, даже рыдала, наконец самому автору грезилась белая лебедь на берегу моря с распущенными крыльями⁷⁹. Так волшебны и томительны были звуки, которыми чаровал певец собравшуюся на состязание публику. Между тем на самом деле это вещь положительно невозможная! Песня «При долинушке стояла» песня веселая, чуть не плясовая даже! Певец мог спеть ее великолепно, но возбудить в слушателях то сладкую тоску, то томительное очарование, изображение которых и составляет главную прелесть рассказа, он, как бы ни пел, возбудить эту песню не мог. Когда потом судьба сблизила меня с Тургеневым в той области, которая находилась под влиянием незабвенного князя Владимира Федоровича Одоевского, и мы сами иногда певали русские песни, я не замедлил объяснить ему, специально и фактически, вокальный промах, сделанный им в «Певцах». Я доказывал ему, что никакой певец приведенной им песней не может взволновать ни в ком глубины чувств, а тем более чувств грустных и томительных, что плакать при этой песне так же невозможно, как при исполнении какого-нибудь Штраусовского вальса, и что, наконец, есть другие русские песни, которые действительно хватают за сердце и заставляют плакать. Я указывал ему даже на некоторые из таких песен и в особенности на одну, которая, по моему убеждению, более подходила бы к делу, на песню: «Не одна во поле дороженька пролежала» — песню, которая действительно каждым словом, каждым звуком, самым рельефным образом выражает и русскую ширь, и русскую удаль. В заключение моего энергического доклада Тургеневу и для вящего доказательства неопровержимости моих соображений я спел ему, как умел, и его песню: «При долинушке стояла» и свою песню: «Не одна во поле дороженька». Не помню, выразил ли Тургенев тогда свое мнение

⁷⁷ Киреевский, II, ч. 2, № 1938

⁷⁸ С. Д. Магид, Песни Псковщины. — Приношу глубокую благодарность С. Д. Магид за разрешение воспользоваться ее рукописным трудом; ее же благодарю за ряд дополнительных библиографических указаний.

⁷⁹ У Тургенева — чайка.